

Аркадий Гайдар

Пусть светит

Книга: А.Гайдар. Собрание сочинений в трех томах. Том 1
Издательство "Правда", Москва, 1986
OCR & SpellCheck: Zmiy (zpdd@chat.ru), 13 декабря 2001

Отец запаздывал, и за стол к ужину сели трое: босой парень Ефимка, его маленькая сестренка Валька и семилетний братишка по прозвищу Николашка-баловашка.

Только что мать пошла доставать кашу, как внезапно погас свет.

Мать из-за перегородки закричала:

- Кто балуется? Это ты, Николашка? Смотри, идоленок, добалуешься!

Николашка обиделся и сердито ответил!

- Сама не видит, а сама говорит. Это не я потушил, а, наверное, пробки перегорели.

Тогда мать приказала:

- Пойди, Ефимка, притащи из сеней лестницу. Да поставь сначала сахарницу на полку, а то эти граждане в темноте разом сахар захапают.

Вышел Ефим в сени, смотрит: что за беда? И на улице темно, и на станции темно, и кругом темно. А тут еще небо в черных тучах и луна пропала.

Забежал Ефим в комнату и сказал:

- Зажигайте, мама, коптилку. Это не пробки перегорели, а, наверное, что-нибудь на заводе случилось.

Мать пошла в чулан за керосином, а Ефимка, разыскивая сапоги, торопливо полез под кровать. Левый сапог нашел, а правый никак.

- Наверное, это вы опять куда-нибудь задевали? - спросил он у притихших ребяташек.

- Это Валька задевала, - сознался Николашка. - Она стащила сапог за печку, воткнула в него веник и говорит, что это будет сад.

- Ефимка, а Ефимка, - тревожным шепотом спросил Николашка, - что это такое на улице жужужает?

- Я вот вам пожужужаю, - ответил Ефимка. И, выкинув из сапога березовый веник, он с опаской сунул руку внутрь голенища, потому что уже однажды эта негодница Валька, поливая свой сад, вкатила ему в сапог целую кружку колодезной воды. - Я вот ей хворостиной пожужужаю!

Но тут и он замолчал, потому что услышал сквозь распахнутое окно какое-то странное то ли жужжание, то ли гудение. Он натянул сапоги и выскочил из комнаты. В сенях столкнулся с матерью.

- Ты куда? - вскрикнула мать и крепко вцепилась в его руку мокрыми от керосина пальцами.

- Пусти, мама! - рванулся Ефимка и выбежал на крыльцо.

Оглянувшись, он торопливо затянул ремень, надел кепку и быстро побежал темной улицей через овражек, через мостик в гору - в ту сторону, где стоял их небольшой стекольный завод.

В сенях что-то стукнуло. Кто-то впотьмах шарил рукой по двери.

- Кто там? - спросила мать, а Валька и Николашка подвинулись к ней поближе.

- Не спишь, Маша? - послышался дребезжащий старческий голос.

И тогда мать узнала, что это соседка Марфа Алексеевна.

- Какой тут сон, - быстро заговорила обрадованная мать. - И свету нет, и аэроплан гудит, и самого нет. А тут еще Ефимка так и рванулся из рук, как будто бы его кипятком ошпарили.

- Комсомольцы, - с грустью проговорила бабка.

Слышно было, как отодвинула она табуретку и положила руку на клеенчатый стол.

- Вот так и у меня Верка, как потух свет да услышала она, что гудит, кинулась сразу к двери. Я ей говорю: "Куда ты, дура?.. Ну мужики, ну парнишки... А ты ведь еще девчонка... Шестнадцать годов". А она постояла, подумала. "Бабуня, говорит, не сердись. Это белый аэроплан. Это тревога. У нас сбор... У меня там товарищи". Схватила в сенях с гвоздя сумку да как кошка прыгнула. Вот, Маша! Только я ее и видела.